

ПОЯСНОЙ НАБОР С ИНКРУСТАЦИЕЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ VI ВЕКА ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Эльзара Айдеровна Хайрединова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

Аннотация. В мужском погребении первой трети VI в. из склепа 124 могильника у с. Лучистое найдены пряжка и бляшка, украшенные стеклянными вставками в технике перегородчатой инкрустации. Детали поясного набора относятся к широко распространенной продукции византийских мастерских, функционировавших, в основном, в Восточном Средиземноморье, и считаются принадлежностью воинского византийского костюма. В мастерских изготавливались не отдельные детали, а полностью готовый пояс – с пряжкой и соответствующей ей гарнитурой. Такие пояса носили солдаты и офицеры армии Восточной Римской империи, они служили знаком отличия, показателем ранга и положения. Редкие находки пряжек в Юго-Западном Крыму – в Лучистом и на Мангупе позволяют предположить, что в первой трети VI в. некоторые представители местных готов нанимались на службу в византийскую армию, где и получали соответствующие пояса. Один из этих наемников, похороненный в могильнике у с. Лучистое, судя по «статусному» поясу с пряжкой и контр-бляшкой, мог дослужиться до офицерского чина. Вернувшись на родину, он привез с собой и пояс, вместе с которым позже был погребен в семейном склепе.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, могильник у села Лучистое, пряжка, бляшка, перегородчатая инкрустация

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

INLAYED BELT SET FROM THE FIRST THIRD OF THE SIXTH CENTURY FROM THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Elzara A. Khairedinova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

Abstract. A male burial from the first third of the sixth century in burial vault 124 of the cemetery located near the present-day village of Luchistoe contained a buckle and a badge decorated with glass inlays featuring cloisonné technique. These belt-set fittings belong to widely distributed products of Byzantine workshops, primarily working in the Eastern Mediterranean, and are considered details of the Byzantine military costume. These workshops produced not particular details but rather fully ready belt comprising of a buckle and appropriate fittings. These belts were worn by soldiers and officers of the Eastern Roman (Byzantine) army as rank badges, indicating the rank and status. There are a few finds of buckles in the south-western Crimea (Luchistoe and Mangup) suggesting that, in the first third of the sixth century, some members of the local Goths were recruited into the Byzantine army, where they received the belts in question. According to his “high-status” belt with a buckle and a counter-badge, one of these mercenaries, buried in the cemetery of Luchistoe, was possibly promoted to an officer’s rank. When he returned to his homeland, he brought the belt with him, and was later buried with this artefact in the family vault.

Keywords: Byzantium, South-Western Crimea, cemetery near the present-day village of Luchistoe, buckle, badge, cloisonné

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period*.

В 1999 г. на северо-восточном, раннем участке гото-аланского могильника у с. Лучистое, в одном из мужских погребений в склепе 124 найдены пряжка с прямоугольным щитком и

бляшка D-образной формы, украшенные стеклянными вставками в технике перегородчатой инкрустации (рис. 1) [4, с. 53, рис. 27,11,12]. Аналогичные по форме и декору аксессуары одежды относятся специалистами к продукции византийских мастерских, функционировавших, в основном, в Восточном Средиземноморье, и считаются принадлежностью престижного воинского костюма [1, с. 37, рис. 37,3; 31, р. 147–148; 39, S. 126, 129; 30, р. 28; 27, S. 219–223]. Вещи этого круга редки для Юго-Западного Крыма и заслуживают отдельной публикации.

Конструкция и особенности изготовления изделий

Пряжка состоит из трех деталей – узкой овальной рамки, подвижного язычка и прямоугольного щитка, отлитых отдельно из разных сплавов на основе меди (рис. 2,2). Длина пряжки 4,9 см. Круглая в сечении рамка шириной 4 см в тыльной части сделана с тонким стержнем – перекладной для крепления язычка и петель щитка. Подтреугольный в сечении язычок длиной 2 см снабжен узкой пластинчатой скобой, при помощи которой он фиксировался на перекладине рамки и мог свободно двигаться.

Щиток представляет собой сложную в изготовлении деталь пряжки. Первоначально отливался каркас в виде прямоугольной оправы размером 2,7×3,8 см с высоким фигурным бортиком и расположенной на передней стороне вытянутой трапецевидной пластиной длиной 4,3 см, служившей заготовкой для петель держателя рамки и зажима ремня (рис. 3,1а,2). К оправе снизу припаивалась тонкая прямоугольная пластина, создававшая основу для инкрустации (рис. 3,1б,2). Внутри получившегося на лицевой части щитка прямоугольного углубления размещались фигурные ячейки под стеклянные вставки, образованные напаянными ребром узкими пластинками-перегородками (рис. 2,1). В центре напаялась круглая ячейка, к которой примыкали перегородки полукруглой формы (рис. 3,3). Поверхность щитка покрывалась позолотой – ее остатки до сих пор видны на прилегающем к петлям участке щитка и его тыльной части (рис. 1,1а,1в). Для соединения с рамкой отлитая на передней стороне щитка вытянутая трапецевидная пластина с прорезью сгибалась. Две петли, образовавшиеся в месте сгиба, охватывали перекладину рамки, сохраняя при этом подвижность щитка. Остальная часть согнутой пластины служила зажимом для ремня, вставленным между ней и лицевой частью щитка (рис. 2,2). На ремне пряжка дополнительно фиксировалась при помощи трех заклепок-гвоздиков с круглыми шляпками. Они размещались в отверстиях, просверленных по центру тыльной и боковых сторон лицевой части щитка (рис. 2,2,3).

В отличие от пряжки, корпус поясной бляшки не отливался, а изготавливался из пластины размером 2,7×3,2 см, по контуру которой ребром напаялся узкий пластинчатый бортик высотой 0,5 см (рис. 4,1). Стык концов узкой пластины – бортика хорошо виден на передней стороне бляшки (рис. 1,2; 4,1,2). Внутри получившейся «коробочки» пластинчатыми перегородками формировался узор из ячеек – большой круглой по центру, двух овальных, вытянутых вдоль боковых сторон, и одной миниатюрной круглой, расположенной в тыльной части (рис. 4,2). Бляшку прикрепляли к ремню четырьмя заклепками-гвоздиками, для которых посреди инкрустации были сформованы специальные цилиндрические ячейки – по две вдоль боковых сторон (рис. 4,5). Заклепки-гвоздики выполняли и декоративную функцию: их полусферические шляпки вписывались в общий орнамент, подчеркивая геометрическую инкрустацию (рис. 4,6).

Детали поясного набора украшены в едином стиле: в центре щитка пряжки и бляшки размещена крупная полусферическая стеклянная вставка диаметром 1,8 см, обрамленная плоскими фигурными темно-синими и светло-зелеными полупрозрачными стеклышками (рис. 1,1,2; 3,5,6; 4,4–6). Цвет центральной вставки определить трудно – сохранившееся во фрагментах стекло обесцвечено под воздействием окружающей среды. В стекле на поясной бляшке видны желто-коричневые вкрапления (рис. 1,2а), что позволило нам предложить вариант реконструкции деталей поясного набора с центральной вставкой темно-желтого цвета (рис. 1,1,2).

Стеклянные вставки укреплялись в ячейках на специальном наполнителе. Его остатки в виде светло-серой пасты сохранились на щитке пряжки – на дне ячеек, и хорошо видны под стеклянными вставками на бляшке (рис. 1,1а,1в,2а). По наблюдениям А. В. Антипенко,

проводившей изучение элементного состава изделий при помощи портативного рентгено-флуоресцентного анализатора, наполнитель представляет собой кристаллы органического происхождения, состав которых не удалось установить из-за ограниченных возможностей измерительного прибора [32, р. 651].

Известно, что в ранневизантийское время при изготовлении предметов в технике перегородчатой инкрустации применение белой пасты или так называемого тенакса для наполнения ячеек было общепринятой практикой [30, р. 23]. Этот технологический прием связан с необходимостью надежной фиксации тонких пластин камня или стекла в относительно глубоких ячейках. Обычно слой заполняющего и укрепляющего тенакса толщиной 3–5 мм изготавливался из измельченных минералов и органического связующего вещества. Зачастую его делали из гипса, который измельчали, затем нагревали и добавляли воду. В процессе консолидации пластичная, мягкая паста становилась цементоподобным материалом [30, р. 23–24; 29, р. 38–41]. Использование гипса или пасты на его основе в качестве наполнителя зафиксировано и на других раннесредневековых предметах – украшениях и аксессуарах одежды, производившихся в Византии и на сопредельных территориях [18, с. 696–698].

По мнению Б. Аррениус, состав массы под каменными или стеклянными вставками позволяет говорить о месте производства изделия. Так, наполнитель, изготовленный из гипсосодержащего цемента, должен был производиться в Константинополе, куда сырье поступало из египетских гипсовых месторождений. В так называемых мастерских-сателлитах столичной мастерской, например, в Сирии, вместо гипса использовали арагонит или кальцит. Заполнитель из песчанистой массы должен указывать на локализацию производства в Центральной и Северной Италии, Рейнской области или Подунавье [19, S. 100–102, 119].

Существовали и иные по составу наполнители. Так, согласно результатам исследований пряжки и бляшки из погребения 512 г. в Лусои (Греция), значительным компонентом массы, заполнявшей ячейки под стеклянными вставками, являлся пчелиный воск. Кроме того, по остаткам алифатического соединения установлено, что стеклянные вставки подстилал тонкий слой некоего смолистого вещества, назначение которого не ясно. Такие же прослойки смолистого вещества – шеллака, олифы или сосновой смолы, прослежены и в некоторых изделиях, выполненных в технике перегородчатой инкрустации, но с каменными вставками. В этих предметах смолистое вещество служило связующим элементом между камнем и подстилающей его золотой фольгой, что, по мнению некоторых исследователей, способствовало изменению показателя преломления света и приводило к усилению цветового эффекта инкрустации. Правда, в случае со стеклянными вставками металлической фольги не обнаружено [21, S. 51–52].

Со своей стороны, обратим внимание на то, что в ранневизантийское время существовала практика использования шеллака – смолы животного происхождения в замазке для оконного стекла. Остатки извести и шеллака в качестве связующего вещества зафиксированы в порошкообразной замазке, сохранившейся на краях оконных стекол V–VI вв. из часовни Северо-Западного некрополя Адрианополя (Пафлагония, Малая Азия). Считается, что добавление смолы животного происхождения содействовало созданию стекловидного слоя и герметизации мелких трещин, уменьшало водопроницаемость частиц извести, а также обеспечивало долговечность замазке [23, р. 87]. Возможно, именно эти свойства смолистого вещества способствовали его применению и в изготовлении предметов, инкрустированных стеклом.

По результатам исследований элементного состава сплава изделий из Лучистого, проведенных А. В. Антипенко, установлено, что детали публикуемого поясного набора выполнены из материалов разного состава на основе меди [32, р. 649–651, tabl. 1]. Скорее всего, это связано с серийным производством, при котором детали массово отливались отдельно, а затем, уже из полученных заготовок, собиралась целая вещь. В таком случае следует говорить о мастерских, специализировавшихся на изготовлении именно этого типа изделий. Изготовление перегородчатой инкрустации требовало привлечение высококвалифицированных мастеров, имевших навыки работы с металлом, стеклом и знавших, а, возможно, и самостоятельно разрабатывавших рецепты по изготовлению специальной пасты для крепления вставок в ячейках. В этих мастерских производились не отдельные пряжки или бляшки,

а целиком ремень. Изготовление пряжки завершалось креплением на ремне, вставленным между лицевой частью щитка и согнутой пластиной – зажимом. Бляшка приобретала законченный вид лишь после того, как в ячейки, специально выделенные среди инкрустации, были вставлены гвоздики-заклепки, крепившие ее к коже ремня.

Аналогии и ареал находок

Пряжка из склепа 124 относится к византийским застежкам, выделенным М. Казанским в тип I.3.F [31, p. 147–148], а М. Шульце-Доррлямм – в тип C15 [39, S. 123–129]. М. Казанский объединил в один тип все пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком с размещенной в центре крупной полусферической стеклянной вставкой – кабошоном, без учета их конструкции и техники изготовления [31, fig. 8, 1, 7, 9–11]. М. Шульце-Доррлямм основывалась, прежде всего, на морфологических и конструктивных особенностях изделий, в числе которых: вытянутая овальная рамка, массивный язычок, прямоугольный щиток с высоким бортиком, ограничивающим центральное поле с инкрустацией, крепление на ремне при помощи трех заклепок-гвоздиков, расположенных посередине узкого края (рис. 5–8). Детали пряжек изготовлены из бронзы и сверху покрыты позолотой. Декор на щитках застежек типа C15 выполнялся по одной схеме: в центре размещалась крупная ячейка круглой (рис. 5, 1–11; 6, 7; 7, 1, 3, 4) или ромбической формы (рис. 6, 8, 9), либо в виде свастики (рис. 8, 1), а остальное пространство делилось пластинчатыми перегородками на небольшие фигуры различной формы. Вставки выполнялись из стекла или эмали, в единой цветовой гамме, с преобладанием желтого, синего и зеленого тонов. В качестве центральной вставки могла быть использована стеклянная или каменная гемма.

По декору пряжка из Лучистого относится к самому распространенному варианту застежек типа C15 – с центральной ячейкой круглой или овальной формы. Они найдены на юго-западе Франции – в визиготском некрополе Белу Норд (Сен-Лоран-Дез-Ом, Аквитания) второй половины V – первой трети VI в. (рис. 5, 3) [41, ill. 13], на севере Италии – в Кьюзе (рис. 6, 7) и на Сицилии – в Маккари (рис. 5, 1) [36, S. 202, Abb. 20], на территории Болгарии (рис. 5, 7–10, 14) [11, с. 374, табл. 12, 90–94], Иордании – в могильнике Яжуж (рис. 5, 4) и Израиля – в могильнике Аль-Джиш (рис. 5, 2) [26, p. 167, 170, fig. 2, 1, 3], в Юго-Западном Крыму – на плато Мангуп, в Лагерной балке, где выявлены остатки раннесредневекового поселения¹ (рис. 5, 7) [9, с. 141, рис. 163, 6], а также в Абхазии – в могильнике Лар (рис. 5, 5) [31, p. 161, 183, fig. 10, 13]. Упомянем также экземпляры, точное место находки которых не известно – щиток пряжки из коллекции Музея Эшмола при Оксфордском университете (рис. 5, 6) [20, Nr. 1976.531] и застежку из Национальной библиотеки Франции (рис. 7, 1), украшенную геммой из сердолика, вставленной в центральное круглое гнездо на щитке. Несколько отличается от приведенных аналогий формой язычка и меньшими размерами рамки пряжка, выявленная в могиле 330 некрополя на Баюваренштрассе в г. Штраубинг (Бавария, Германия) [39, S. 127, Abb. 46].

К вариации пряжек типа C15 с центральной ячейкой круглой или овальной формы нами причислены и две застежки, щиток которых почти полностью занят крупной овальной вставкой – геммой из желтого стекла, а оставшееся свободным небольшое пространство по углам покрыто плоскими стеклышками зеленого или красного цвета (рис. 8, 3, 4). Одна из них, неизвестного происхождения, хранится в коллекции Кофлер-Трюнигер (Люцерн) (рис. 8, 3), вторая – найдена в Сирии и находится в собрании Британского музея [42, p. 94, Kat. Nr. 552, 561, Pl. 68, 69].

Композиция из крупной круглой или овальной вставки, окруженной мелкими фигурами различной формы, является одной из наиболее популярных декоративных схем, использовавшихся на византийских деталях поясной гарнитуры с перегородчатой инкрустацией. В таком стиле украшены не только перечисленные выше пряжки, но и другие застежки, отличающиеся формой щитка и способом его крепления на ремне, а также литые бляшки-накладки прямоугольной формы [31, p. 147–148, type I.3.F]. Для примера назовем пряжки с прямоугольным щитком с небольшими круглыми выступами под заклепки, происходящие из Греции (рис. 6, 2) и Малой Азии (рис. 7, 5) [31, p. 187, fig. 14, 7; 25, S. 383, Kat. Nr. 889; 42, p. 94, Kat. Nr. 551, Pl. 68], застежки

¹ За предоставленную информацию благодарю Валерия Евгеньевича Науменко.

с щитком D-образной формы типа С7 по М. Шульце-Доррлямм из Сирии (рис. 6,4), Болгарии (рис. 6,5) [39, S. 127, Abb. 46; 11, с. 393, табл. 31,280], поясные наборы из Сиро-Палестинского региона, состоящие из выполненных в одном стиле деталей (рис. 9,1; 10,4–9) [42, р. 94, Kat. Nr. 563, Pl. 70], и найденные отдельно прямоугольные бляшки-накладки из Испании (рис. 5,13) и Северной Африки (рис. 5,12) [34, р. 192, fig. 3; 27, Taf. 4,14,16; 5,1,4; 6,7; 15,12,13].

Прямые аналогии поясной бляшке D-образной формы из Лучистого нам не известны. По форме, размерам и технике изготовления лучистинской находке близки бляшки из Западной Сирии (Эр-Растан, Хомс) и Алжира (Константа, древняя Цитра) [31, р. 187, fig. 14,1; 37, р. 234, fig. 3; 27, S. 213, 367, Taf. 10,9]. Однако они отличаются декором: на бляшке из Сирии пластинчатые перегородками сформирован сложный растительный орнамент из мелких ячеек (рис. 10,1), а бляшка из Алжира украшена крупной овальной вставкой по центру, от которой радиально расходятся лучи с небольшими овальными гнездами на завершении (рис. 6,6). Характерные для лучистинской бляшки признаки в различных комбинациях встречаются в деталях поясной гарнитуры с инкрустацией ранневизантийского времени. Сочетание D-образной формы щитка и декора с крупной круглой ячейкой в центре можно увидеть на пряжках из Болгарии и Сирии (рис. 6,4,5) [39, S. 102, Тур С7, Kat. Nr. 82; 11, с. 393, табл. 31,280]. При этом щитки выполнены иначе – в технике литья. Судя по находкам из Туниса и Алжира, в Северной Африке пользовались популярностью поясные бляшки, изготовленные, как и лучистинская находка, с пластинчатой основой и напаянным бортиком, в декоре которых использованы различные композиции из крупной круглой или овальной центральной вставки с мелкими фигурными ячейками, но прямоугольной формы (рис. 5,12) [27, S. 212, 359, Taf. 4,16; 5,1,4; 6,7; 15,12,13]. В такой же технике сделан прямоугольный щиток пряжки из Болгарии, украшенный в одном стиле с бляшкой из Лучистого (рис. 5,14) [11, с. 374, табл. 12,95].

Датировка находок

Детали поясной гарнитуры, подобные лучистинским находкам, датируются исследователями первой половиной VI в. [1, с. 37, рис. 37,3; 2, с. 313, табл. XXVII,171], второй половиной V – первой половиной VI в. [31, р. 147–148, type I.3.F] или последней четвертью V – началом VI в. [39, S. 123–129, 245, Тур С15]. Большинство интересующих нас предметов беспаспортны или происходят из захоронений с широко датированным сопутствующим инвентарем, как, например, погребение воина из Лар (Абхазия), отнесенное ко второй половине V – первой половине VI в. [31, р. 148]. На сегодняшний день известно лишь несколько погребений, позволяющих обоснованно говорить о времени бытования этого типа аксессуаров. Так, могила 330 некрополя Штраубинг-Баюваренштрассе относится к периоду не ранее начала VI в. [27, S. 220]. На основании радиоуглеродного датирования захоронение с поясным набором из могилы 1 в Лусои, на северо-западе Пелопоннеса, отнесено к 512 г. (рис. 7) [21, S. 39]. В некрополе Эль Руэдо (Кордова), в погребении 2 из могилы 34АТ поясная бляшка, идентичная щиткам пряжек типа С15 (рис. 5,13), найдена вместе с овальной поясной застежкой, характерной для периода 525–580 гг. древностей вестготской Испании. Само погребение 2 отнесено ко второй четверти VI в., поскольку сверху его перекрывало захоронение, сопровождавшееся поясной застежкой, датированной второй половиной VI в. [34, р. 192–194; 27, S. 220–221]. В Болгарии щиток пряжки типа С15 (рис. 5,14) найден в ранневизантийской крепости на полуострове Хрисосотира (Червенка, г. Черноморец) в контексте с монетой Юстиниана I [11, с. 34, кат. № 95, карта 1,249].

В могильнике у с. Лучистое поясной набор с инкрустированными деталями выявлен в мужском погребении 9 на полу камеры склепа 124, вместе с дополнительной пряжкой овальной формы с перекладиной в тыльной части для крепления язычка и ремня (рис. 11,1), аналогии которой известны по находкам из Северной Африки, датированным первой половиной VI в. [27, S. 240, Taf. 4,2; 12,1; 14,10; 17,4]. Рядом с мужчиной одновременно или чуть позже похоронили женщину в парадном восточногерманском костюме с парой двупластинчатых фибул и большой пряжкой с изображением льва на прямоугольном щитке. Этот тип женского костюма возник у крымских готов во второй четверти VI в. и существовал не менее века [6, с. 156, 251, 277, рис. 175]. Скорее всего, интересующее нас погребение было совершено в первой трети VI в.

Реконструкция пояса из могильника у с. Лучистое

В погребении 9 из склепа 124 пряжка и бляшка лежали в области пояса, справа, в темно-коричневом тлене от кожаного ремня, лицевой стороной вниз. Расположение деталей поясного набора позволяет говорить о том, что пояс был снят с умершего и уложен рядом с телом во время погребения. Такая практика зафиксирована в воинских погребениях позднеантичного и ранневизантийского времени. Расстегнутый пояс воина, вероятно, был символом того, что смерть освободила его от военных обязанностей [40, S. 298].

Судя по размерам щитка, пряжка крепилась на ремне шириной 3,8 см. В большинстве мужских погребений VI в. из Лучистого с прослеженным *in situ* положением деталей поясной гарнитуры пряжки располагались рамкой влево [5, табл. 29,21; 165,2,3; 168,3,4; 17, с. 216, рис. 4,В], а в редких случаях застежки лежали иначе – рамкой вправо [5, табл. 120,8]. Поэтому на реконструкции нами представлено два варианта застегнутого пояса – справа налево (рис. 11,3,4) и наоборот (рис. 11,2,5).

Вторая деталь поясного набора, бляшка D-образной формы, лежала в погребении у тыльной стороны щитка пряжки. Поскольку пояс был перевернут, уверенно говорить о местоположении бляшки на ремне невозможно. Очевидно, что она не могла использоваться в качестве поясного наконечника – ее размеры больше отверстия для ремня в рамке пряжки. Обычно исследователи рассматривают бляшки с инкрустацией в качестве так называемой контр-бляшки – накладки, крепившийся на ремне напротив застежки, симметрично ее щитку [31, р. 144]. Часто бляшки повторяют форму и декор щитка, и такое их использование в наборе из двух деталей вполне логично, однако оно не подтверждено ни иконографическими данными, ни находками в погребениях. Предложенные Л. А. Трайковой по материалам из Болгарии реконструкции поясов с симметрично расположенными деталями – искусственны, поскольку в них в один набор объединены однотипные находки, происходящие с разных памятников [11, табл. 164,3; 165,2].

Инкрустированные поясные наборы, состоящие из двух деталей, помимо Лучистого, найдены на северо-западе Пелопоннеса, в погребении из Лусои (рис. 8,1,2) и в Сирии² (рис. 10,1,2). Только в наборе из Сирии бляшка по форме, декору и технике исполнения идентична щитку пряжки. Детали из Лучистого и Лусои, явно принадлежавшие одному поясу, выполнены в едином стиле, но заметно отличаются друг от друга: в первом случае – формой и техникой исполнения (рис. 1), во втором – декором (рис. 8). В Лусои, как и в Лучистом, пряжка и бляшка лежали рядом, но не сохранили своего первоначального положения [21, S. 25, Abb. 10].

Учитывая сказанное, нами реконструировано два варианта положения бляшки на ремне: у тыльной стороны щитка пряжки, в соответствии с тем, как детали лежали в захоронении (рис. 11,2,5), и на противоположной стороне ремня – рядом с рамкой пряжки (рис. 11,3,4). Во втором случае «контр-бляшка», наряду с декоративной функцией, могла иметь практическое назначение, прикрывая и дополнительно укрепляя место сужения ремня (рис. 8,А; 10,А). О том, что ремень к концу должен был сужаться, свидетельствует конструкция пряжек типа С15: щиток в месте крепления на ремне шире отверстия в рамке, через которое ремень продевается при застегивании. На пряжке из Лучистого разница в ширине деталей составляет 0,7 см. Приходится констатировать, что при отсутствии зафиксированных *in situ* находок в погребениях или полностью сохранившихся поясов, наши рассуждения остаются гипотетическими, а вопрос о назначении бляшек и их расположении на ремне – открытым.

² В состав этого поясного набора М. Казанский, а вслед за ним и Д. Кваст включили круглую фрагментированную бляшку, выполненную в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 10,3) [31, р. 144, fig. 14,1–3; 37, р. 234, 236, fig. 3]. Все три предмета хранятся в собрании Британского музея, куда они поступили в 1926 г. вместе с другим деталями поясной гарнитуры (рис. 10,4–9), как происходящие из Реастана (Эр-Растан, древняя Аретуса), из одной гробницы (www.britishmuseum.org/collection/object/N_1926-1014-1). Однако принадлежность бляшки поясному набору не очевидна: она отличается декором и чуть крупнее (диаметр 3,8 см) пояса, на котором крепились интересные нас выполненные и декорированные в одном стиле пряжка и бляшка D-образной формы (судя по размерам щитка пряжки, ширина пояса равнялась 3,4 см). Кроме того, круглая «бляшка» по форме, размерам и декору (в форме креста с расширяющимися концами, образованного ячейками под инкрустацию) близка круглым фибулам в стиле клуазоне (Cloisonné-Scheibenfibeln) второй половины V – первой половины VI в., известным по находкам из Северной Африки [27, S. 189–191, 369, Taf. 13,1,2; 22,1,2; 25,10], и, возможно, таковой и является.

В погребении из Лучистого, помимо публикуемого поясного набора, у правого тазобедренного сустава лежала бронзовая пряжка с овальной рамкой размером 2,5×2,6 см, предназначавшаяся для ремешка 1,5 см (рис. 11,1). Судя по находкам из мужских погребений VI в. Юго-Западного Крыма, такие пряжки могли использоваться в качестве застежки для поясной сумочки (рис. 11,5) или для застегивания пояса от штанов (рис. 11,4). В Лусои поясной набор с инкрустацией также сопровождался небольшой пряжкой, предназначавшейся для узкого пояса, от которого на внутренней стороне рамки сохранились остатки ткани (рис. 8,3,Б) [21, S. 50].

Существование поясков для штанов подтверждается письменной традицией, изображительными данными и находками подлинных штанов. На фресках гробницы IV в. из Силистры (Дуросторума) изображены слуги, подающие одежду своему господину [28, fig. 9]. У одного из слуг через плечо перекинуты господские штаны и хорошо видно, что ремень с пряжкой продет через специально нашитые петли – шлевки. Прокопий Кесарийский в «Тайной истории» (около середины VI в.) в пикантном сюжете про Велисария, заставшего свою жену с Феодосием, пишет о том, что у любовника был «*растущен пояс, поддерживающий штаны у срамных мест*» [10, с. 318, I.20]. Судя по сохранившимся подлинным образцам, штаны имели низкую посадку и подвязывавший их пояс располагался на 10–15 см ниже линии талии.

Пояс в мужском костюме

Согласно письменным источникам, в ранневизантийское время мужской пояс имел большое значение. Как у военных, так и у гражданских должностных лиц он служил знаком отличия, показателем ранга и положения [37, p. 233–236; 21, S. 48–49]. Прокопий Кесарийский в «Тайной истории», рассказывая об отрядах молодежи – стасиотах, сбивавшихся в шайки и грабивших по ночам горожан, сообщает, что по этой причине «*большинство людей впредь стало пользоваться медными поясами и пряжками* [вместо золотых – авт.] *и носить одежду много хуже той, что предписывал их сан*» [10, с. 338–339, VII.15–18]. В сочинении Феофилакта Симокатты, созданном около 630 г. и посвященном истории правления императора Маврикия, имеется примечательный эпизод о том, как в столице некий гепид был обличен в воровстве благодаря золотому поясу, не соответствовавшему его варварскому облику. Этот гепид принес «*какому-то золотых дел мастеру перелить украшения золотого пояса. Мастер, заметив, что отдельные части пояса сделаны замечательно, что форма сгибов обличает высокое положение владельца, и обратив внимание на его чисто варварскую внешность, решил, что этот человек совершил кражу*» [12, Кн. 6, гл. X.5].

Изобразительные материалы также показывают, что пояс являлся статусным аксессуаром костюма. На настенной завесе V в., происходящей из Египта и хранящейся в Музее изящных искусств (Бостон, США), представлен слуга, отодвигающий занавеску в аркаде (рис. 12,1). Мужчина нарочито нарядно одет: его туника, по-видимому, из оливково-золотистого «переливающегося» шелка, опоясана широким поясом, украшенным прямоугольными бляшками-накладками с разноцветными вставками (рис. 12,1а), а на шее видно золотое ожерелье. Подобные изображения богато одетых слуг на настенных коврах ассоциировались с изобилием и благосостоянием дома, подчеркивали престиж и статус хозяев [38, p. 5, fig. 3]. В парадном одеянии изображен и мальчик – подросток в сцене встречи Марии и Елизаветы на мозаике середины VI в. из базилики Евфразия в Порече (Хорватия) (рис. 12,2). Его талия охвачена широким поясом с прямоугольными бляшками с круглыми красными вставками по центру, размещенными на равном расстоянии друг от друга (рис. 12,2а,2б).

Хорошо известно, что в Восточной Римской империи пояс служил и символом принадлежности воинскому сословию, а его лишение могло означать непригодность к службе. Прокопий Кесарийский, критикуя политику Юстиниана I в отношении армии, рассказывает, как разосланные по всей державе люди из придворной гвардии выявляли среди занесенных в списки военных совсем негодных к службе и «*у некоторых они осмеливались отнимать пояса, якобы как у непригодных или состарившихся*» [10, с. 396, XXIV.15–18].

Наглядным вещественным подтверждением свидетельств письменных и изобразительных источников являются детали поясной гарнитуры с инкрустацией, прежде всего – пряжки типа С15 по М. Шульце-Доррлямм, и выполненные в едином с ними стиле поясные бляшки. Их находки за пределами империи в могилах воинов, а в самой Византии – в мужских

захоронениях, позволяют говорить о том, что эти изделия являются маркером мужского воинского костюма [27, S. 222; 39, S. 129; 21, S. 42, 50]. О принадлежности воинской материальной культуре свидетельствуют и некоторые изображения на геммах, использованных в качестве центральной вставки на щитках некоторых застежек этого типа. Так, в овальной ячейке на щитке пряжке типа С15, хранящейся в Национальной библиотеке Франции (рис. 7,1,1а), укреплен сердоликовая инталия размером 1,0×1,8 см с прорезанной фигурой воина в доспехах, опирающегося на копье, со щитом у правой ноги (рис. 8,1б). Мужчина представлен фронтально, в полный рост, с повернутой влево головой. Левая рука поднята и опирается на копье, острое которого направлено вверх, в правой, протянутой руке виден неопределенный предмет (патера?). На голове мужчины изображен шлем с высоким гребнем, на ногах – калцеи с завязками по бокам. Около правой ноги воина стоит щит. Иконографический тип близок сцене «Приношение Марсу», популярной на геммах римского времени, в которой воин (Марс или Арес) изображался с вытянутой рукой, держащей патеру над алтарем с горящим пламенем. Вотивный сюжет, представляющий бога с фиалой в руке во время возлияния, символизировал готовность божества отвечать на просьбы верующих и выслушивать их [35, p. 196]. В римское время, когда военное покровительство Марса было введено в официальную идеологию империи [35, p. 197], предмет с таким изображением мог служить оберегом, защищающим от опасностей войны или приносящим удачу в сражениях.

Существует и другая интерпретация изображения мужского божества с копьем и щитом, позволяющая говорить о камне, на котором оно выполнено, как о целительном магическом амулете. В коллекции Британского музея хранятся позднеимские инталии из гематита, на которых выгравирована фигура Ареса с копьем и щитом в руках, сопровождающаяся надписью: Ἄρης ἔταμειν τοῦ ἥπατος τὸν πόνο(v) – *Арес остановил боли в печени* [33, p. 63, Pl. 4]. Аналогичное изображение Ареса встречается и на позднеимских гематитовых геммах с надписью, призывающей Тантала выпить кровь. В этом случае и к камню, и к божеству обращались для остановки кровотечений [16, с. 89, 98, рис. 3, 5]. По мнению А. Мастрочинкве, Арес на «кровоостанавливающих» геммах – не древнегреческий бог, а результат культурного синтеза, в котором сирийские божества Азизос и Арсу приняли иконографию гомеровского бога [33, p. 63, Pl. 5]. Судя по пряжке из собрания Национальной библиотеки Франции, традиция использования гемм с изображением древних божеств, придававших предметам характер оберега или целительного амулета, сохранялась и в ранневизантийское время. Такие предметы могли быть востребованы среди воинов для магической защиты в бою и в случае ранения.

Совершенно иной образ, связанный с христианским мировоззрением, можно увидеть на инталиях из желтого полупрозрачного стекла, украшавших щитки двух пряжек из частных коллекций, одна из которых, неизвестного происхождения, относится к типу С15 по М. Шульце-Доррлямм (рис. 7,3), вторая – найденная в Малой Азии, принадлежит застежкам с выступами под заклепки для крепления на ремне (рис. 7,5) [42, p. 94, Kat. Nr. 551, 552, Pl. 68]. Почти вся лицевая часть щитка обеих пряжек занята круглой или овальной ячейкой, в которой укреплен инталия с прорезанной фигурой стоящего вполборота ангела, держащего в правой руке длинный крест. Изображение появилось с конца IV в. и часто встречается на инталиях и монетах [42, p. 95]. Идентифицировать персонаж помогают надписи «Михаил» или «Святой Михаил», сделанные на обороте гемм VI–VII вв., происходящих из Египта и Сирии [42, p. 104–105, Cat. № 598–601, pl. 78, 79; 15, с. 35, 40, рис. 2,8,9]. На лицевой стороне одной из сирийских гемм над фигурой стоящего с крестом ангела прорезана invocative надпись: «Михаил, помоги Антиоху» [25, S. 333, Kat. Nr. 693; 42, p. 104, Cat. № 599, pl. 78,599]. Упомянем также хранящийся в Британском музее фрагмент краснолакового блюда VI в., на дне которого размещена фигура ангела в профиль с крестом в руках, подписанная «Михаил», а рядом – греческая монограмма, содержащая буквы его имени [24, p. 163, Cat. № 930; 15, с. 35, 40, рис. 2,10]. Появление изображения архангела Михаила на воинских аксессуарах легко объяснимо. Согласно Апокалипсису (12: 7–9), именно он возглавляет армию ангелов в борьбе с драконом – дьяволом [22, p. 13]. Имя архангела, как и его изображение, входило в традиционный набор оберегающих средств, использовавшихся на ранневизантийских магических и христианских амулетах, предназначавшихся для защиты от всякого зла [42, p. 83, 104–105,

110–111, Cat. № 472, 598, 604, 630–632, 652; 13, с. 153–154, 157, 167, рис. 3, 2; 4,7,11,12; 8,2–4; 15, с. 35], а в западной части Малой Азии архангела Михаила почитали и как чудесного целителя, чья деятельность была тесно связана со священными источниками [44, р. 1360].

По материалу, использованному при изготовлении, М. Шульце-Доррлямм отнесла бронзовые позолоченные пряжки, инкрустированные камнем и цветными стеклами, к категории II, а бронзовые пряжки с простой стеклянной инкрустацией – к категории III застежек, бытовавших в ранневизантийское время, охарактеризовав их владельцев как «зажиточный средний класс» [39, S. 142, 144–145]. На наш взгляд, важным показателем статуса владельца служило не только качество материала, из которого была изготовлена пряжка, но и количество деталей, размещенных на поясе. Самые простые пояса, имевшие только пряжку, получили распространение на широкой территории и известны далеко за пределами империи. Присутствие в могилах воинов, вместе с оружием, позволяет говорить о принадлежности такого пояса обмундированию солдат армии Восточной Римской империи, среди которых были и германские наемники, по окончании службы вернувшиеся на родину и впоследствии там же похороненные [39, S. 129]. Рангом выше следует считать пояса, на которых помимо застежки имелась дополнительная, выполненная в таком же стиле деталь – накладная бляшка. Крепилась она, скорее всего, напротив пряжки, и при застегнутом ремне составляла симметричную композицию с щитком. В качестве примера можно назвать три подобных пояса, найденных на территории империи – в Западной Сирии (рис. 10,1,2,Б) и на Пелопоннесе в Греции (рис. 8,1,2,А), а также в союзной Византии области Дори в Юго-Западном Крыму (рис. 11). Ширина поясов в месте крепления пряжки – 3,4 см (Сирия), 3,8 см (Лучистое) и 4,5 см (Лусои). Определенной изящностью выделяются щиток пряжки и бляшка пояса из Сирии: на их поверхности мелкие ячейки под инкрустацию формируют растительный орнамент с хорошо проработанными деталями – трехлепестковым цветком и листиками, а контур подчеркнут заклепками-гвоздиками, чередующимися со стеклянными вставками. В представленной нами реконструкции не сохранившиеся вставки воспроизведены в цветах, наиболее часто использовавшихся в деталях поясной гарнитуры с инкрустацией (рис. 10,А). Пояса из Лусои и Лучистого не столь изысканны, их детали, выполненные в одном стиле, различаются декором (рис. 8), либо формой и способом изготовления (рис. 11). Заметим, что мужчины, похороненные с такими поясами в Лусои и Лучистом, имели еще дополнительную застежку, относящуюся к штанам или поясной сумочке.

И, наконец, мужчинам более высокого статуса принадлежали пояса с многочисленными бляшками-накладками, выполненными в одном стиле и украшенными крупными стеклянными вставками, имитирующими камни-кабошоны. Нам известно два великолепных образца таких поясов, происходящих из Сиро-Палестинского региона, сохранившихся в виде наборов металлических деталей (рис. 9; 10). Один из них, найденный в Западной Сирии (Эр-Растан, Хомс), состоит из семи деталей, в числе которых: прямоугольный щиток пряжки (рис. 10,5), застежка с В-образной рамкой и овальным щитком (рис. 10,8), три квадратные и две прямоугольные бляшки (рис. 10,4,6,7,9). Пряжки крепились на ремне при помощи заклепок, под которые на щитках при отливке были сделаны небольшие круглые выступы. На бляшках крепежные гвоздики размещались по углам. Наличие двух пряжек позволяет говорить об основном ремне, носившемся на поясе, и вспомогательном, служившем, скорее всего, для застегивания штанов или портупей. На представленном нами варианте реконструкции (рис. 10,Б) прямоугольный щиток и бляшки отнесены к основному ремню, поскольку все они украшены в едином стиле: по центру, в круглой или овальной ячейке размещена крупная вставка-кабошон из полупрозрачного темно-желтого стекла, а оставшееся свободное пространство по углам покрыто плоскими треугольными стеклышками зеленого цвета. Пряжка от вспомогательного ремня декорирована иначе – ее щиток полностью заполнен овальной вставкой-кабошоном. Судя по размерам щитка застежек, ширина основного ремня достигала 3,7 см, а вспомогательного – 3,4 см.

Второй «статусный» пояс, детали которого найдены на территории современного Израиля, застегивался пряжкой с прямоугольным щитком (рис. 9,1) и был украшен пятью прямоугольными бляшками-накладками (рис. 9,2–4,6,7). Ширина пояса равнялась 3,8 см. К нему при помощи пластинчатого зажима крепилось небольшое колечко, служившее, вероятно, для подвешивания сумочки или ножа (рис. 9,5,А). На реконструкции пояса утраченные вставки

восстановлены нами в зеленом и синем цветах (рис. 9,Б), которые, в сочетании с желтым, чаще других применялись при оформлении инкрустированных деталей поясной гарнитуры.

Пояс из Израила примечателен тем, что в декоре его деталей в качестве центральной вставки использовано несколько гемм из желтого полупрозрачного стекла. На одной из вставок-инталей представлен лев, идущий вправо с высоко поднятой головой (рис. 9,4,4а). Сюжет восходит к гностическим амулетам римского времени, на которых лев, знак зодиака и дом солнца, олицетворял солярное божество и, как считалось, был наделен силой светила и способностью защищать. В ранневизантийское время это изображение зачастую ассоциировалось с Христом и символизировало оберегающую силу бога. В VI–VII вв. изображение идущего и рычащего льва под звездой или без звезды пользовалось особой популярностью в Византии и использовалось не только на амулетах: его штамповали на краснолаковой столовой посуде и помещали на личные печати [14, с. 77–79, 86–87, рис. 2, 3].

В центре двух других бляшек-накладок размещены одинаковые круглые геммы из желтого прозрачного стекла с прорезанным изображением персонификации Константинополя в виде сидящей на троне женщины, опирающейся левой ногой на нос корабля (рис. 9,6а,7а). Голова женщины покрыта шлемом с гребнем и повернута вправо; в правой руке она держит сферу с крестом (*globus cruciger*), а левой удерживает скипетр. У трона справа стоит щит. Персонифицированное изображение Константинополя известно на монетах и геммах с IV в. [42, р. 95, Кат. № 28–34, Pl. 6]. Иконографический тип на геммах из поясного набора, представляющий персонификацию со сферой и крестом в руках, появился на монетах Феодосия II примерно в 430-х гг. Такое же изображение встречается на редких бронзовых монетах Анастасия, выпущенных в самом начале VI в., и выгравировано на одновременном золотом перстне византийского производства [42, р. 95; 43, р. 195, Pl. 15, 16]. Согласно письменным источникам, персонифицированное изображение Константинополя помещали на монетах и во время правления Юстина II. Иоанн Эфесский упоминает случай изображения персонификации Константинополя на солиде Юстина II, которую возмущенное население приняло за Венеру [7, с. 111, прим. 2]. Судя по происходящей из Сирии и хранящейся в Британском музее пряжке типа С15 (рис. 7,4,4а), стеклянные геммы, изображающие персонификацию Константинополя, пользовались популярностью при декоре пряжек со стеклянной инкрустацией. Присутствие изображения Константинополя на нескольких идентичных геммах может свидетельствовать о том, что мастерская по изготовлению и пряжек, и украшавших их инталей располагалась именно в столице [42, р. 95].

Пояса с инкрустированными стеклом пряжками делались по индивидуальному заказу, а некоторые были даже именованными. Об этом можно судить по бляшке-накладке овальной формы, всю лицевую часть которой занимает гемма из желтого стекла с монограммой имени владельца (рис. 7,2) [43, р. 199, Pl. 39]. Буквы из монограммы позволяют прочесть «Анастасий» в родительном падеже (Αναστασίου), что указывает на принадлежность вещи человеку именно с этим именем (рис. 7,2в).

Поясной набор, выполненный в сложной технике перегородчатой инкрустации, найденный в Юго-Западном Крыму, в склепе 124 могильника у с. Лучистое, был изготовлен в одной из византийских мастерских, функционировавших в первой трети VI в. в Восточном Средиземноморье. Продукция этих мастерских легко узнаваема по морфологическим (особые формы рамки, язычка и щитка) и стилистическим признакам (использование позолоты, геометрический декор из разноцветных стеклянных вставок), а также особым технологическим приемам (литые детали, перегородчатая инкрустация, крепление стеклянных вставок на специальной пасте, фиксация на ремне при помощи заклепок-гвоздиков с полусферической шляпкой). В мастерских изготавливались не отдельные детали, а полностью готовый пояс – с пряжкой и соответствующей ей гарнитурой. Такие пояса носили солдаты и офицеры армии Восточной Римской империи, они служил знаком отличия, показателем ранга и положения.

Следует отметить, что находки вещей этого круга не многочисленны в Крыму. Можно назвать лишь три предмета: щиток аналогичной пряжки, отличающийся лишь формой боковых ячеек под вставки (сердцевидные вместо полукруглых), обнаруженный на Мангупе,

на поселении в Лагерной балке (рис. 5,7) [9, с. 141, рис. 163,6], пряжку с овальной рамкой и прямоугольным щитком, украшенным стеклянными вставками в овальных гнездах (рис. 6,1) из Херсонеса [1, с. 37, рис. 37,4] и происходящую из Керчи лицевую часть щитка прямоугольной формы с центральной каплевидной ячейкой (рис. 6,3) [8, с. 341, кат. № 634а]. Видимо, эти детали поясной гарнитуры не были предметом торговли, а появились на полуострове вместе с людьми, носившими их.

Находки пряжек в Юго-Западном Крыму – в Лучистом и на Мангупе позволяют предположить, что в эпоху Анастасия I или Юстина I некоторые представители местных готов занимались на службу в византийскую армию, где и получали соответствующие пояса. Один из этих наемников, судя по «статусному» поясу с пряжкой и контр-бляшкой (рис. 11), не был рядовым солдатом, а мог дослужиться до офицерского чина. Вернувшись на родину, он привез с собой и пояс, вместе с которым позже был погребен в семейном склепе. В конце V – первой трети VI в. институт наемничества не имел широкого распространения у готов Юго-Западного Крыма. Ситуация поменялась с приходом к власти Юстиниана I, который, после включения в состав империи Боспора, проводил в регионе активную политику вовлечения в сферу влияния готов страны Дори. Когда же готы станут *эксподнами* – союзниками империи и будут выступать с византийцами «против их врагов каждый раз, когда император так желает» [6, с. 7; 3, с. 88], в costume их воинов появятся совсем другие пояса, со вспомогательными ремешками и многочисленными деталями геральдического стиля.

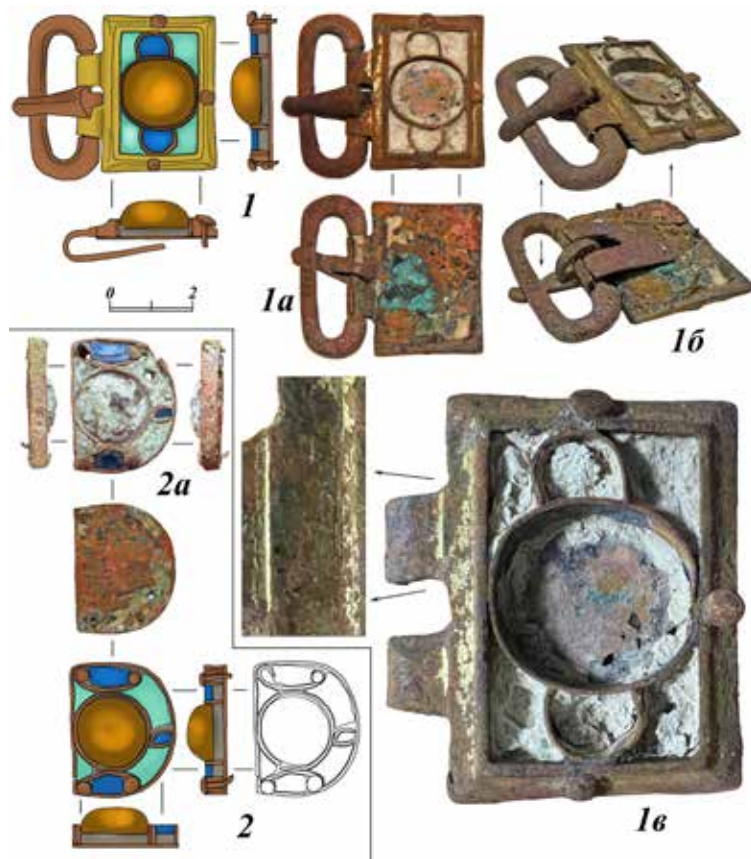

Рис. 1. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Византийский поясной набор, украшенный стеклянными вставками в технике перегородчатой инкрустации. Общие виды и детали. Современное состояние изделий (1а–в, 2а) и их реконструкция (1, 2). Фото и рисунок автора

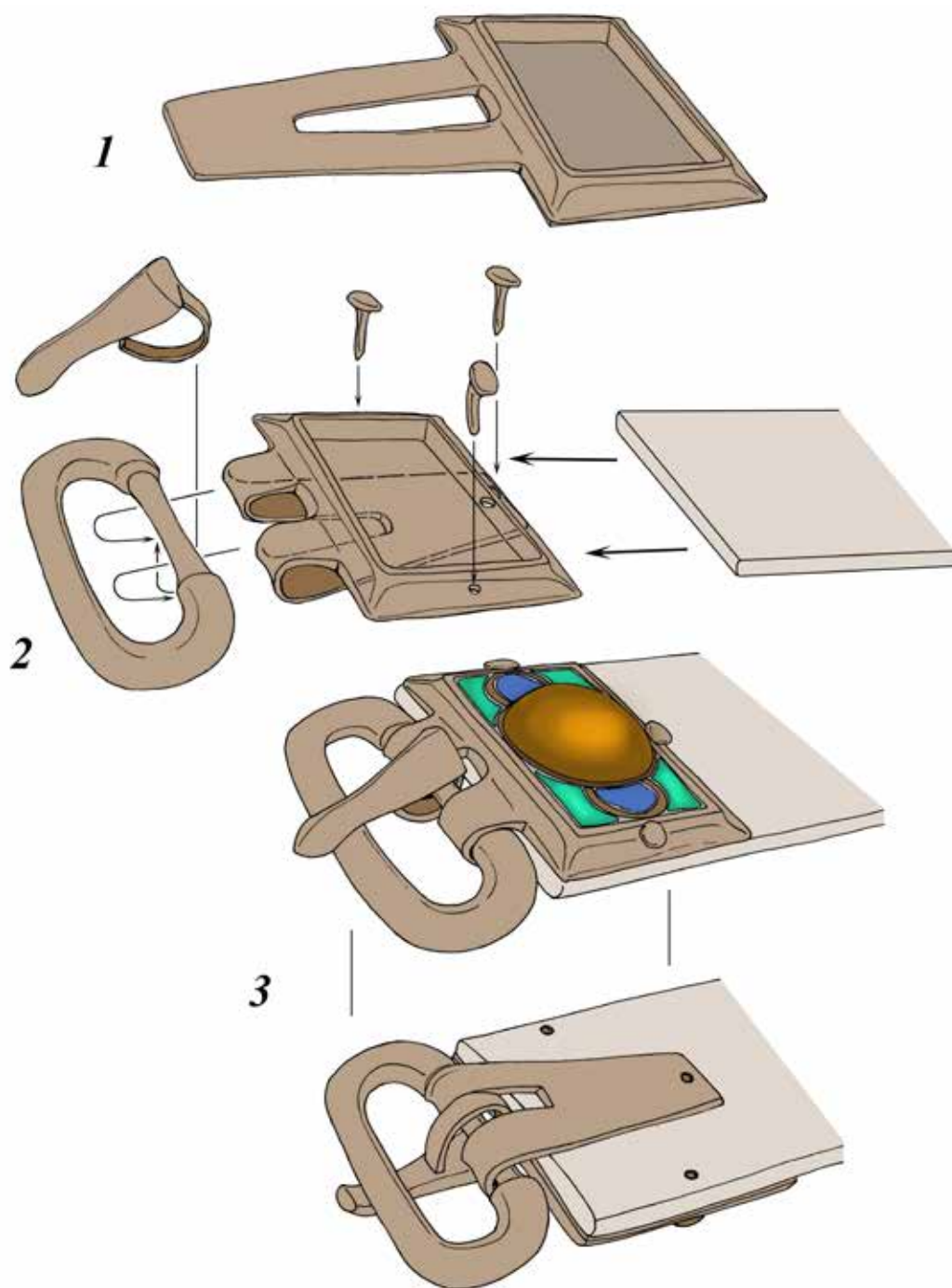

Рис. 2. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Составные детали пряжки (1, 2) и схема крепления застежки на ремне (3). Рисунок автора

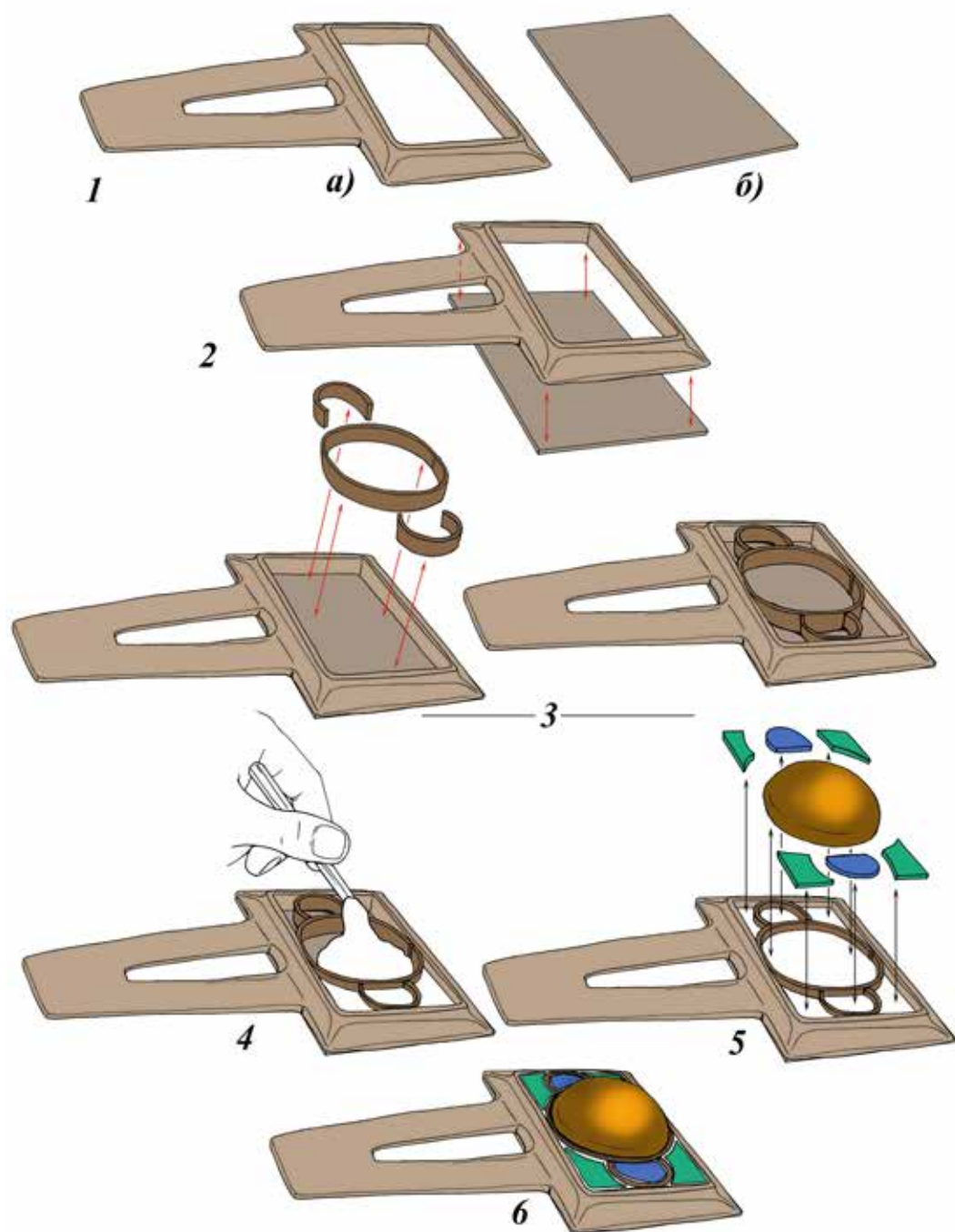

Рис. 3. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Процесс изготовления щитка пряжки. Рисунок автора

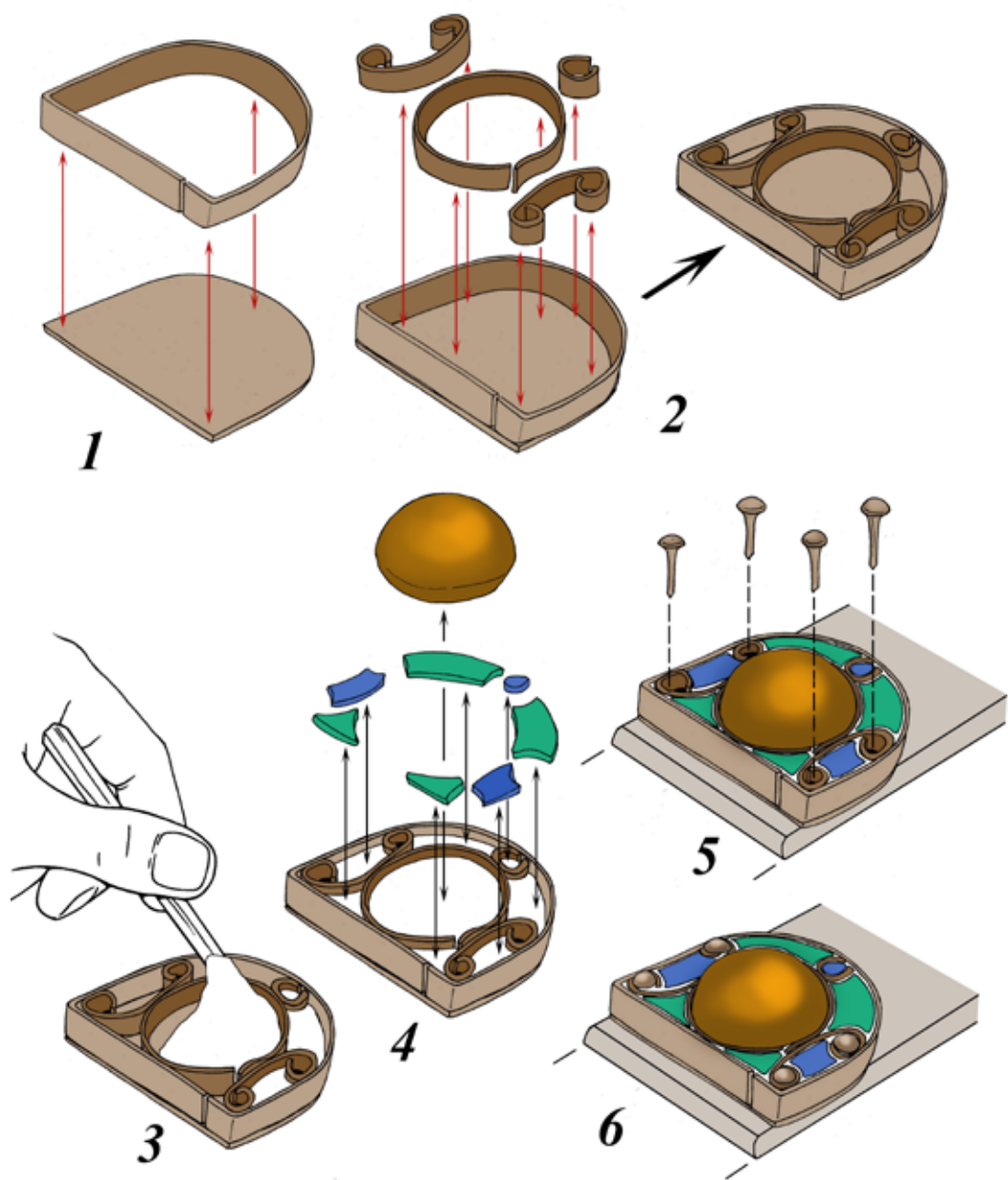

Рис. 4. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Процесс изготовления поясной бляшки. Рисунок автора

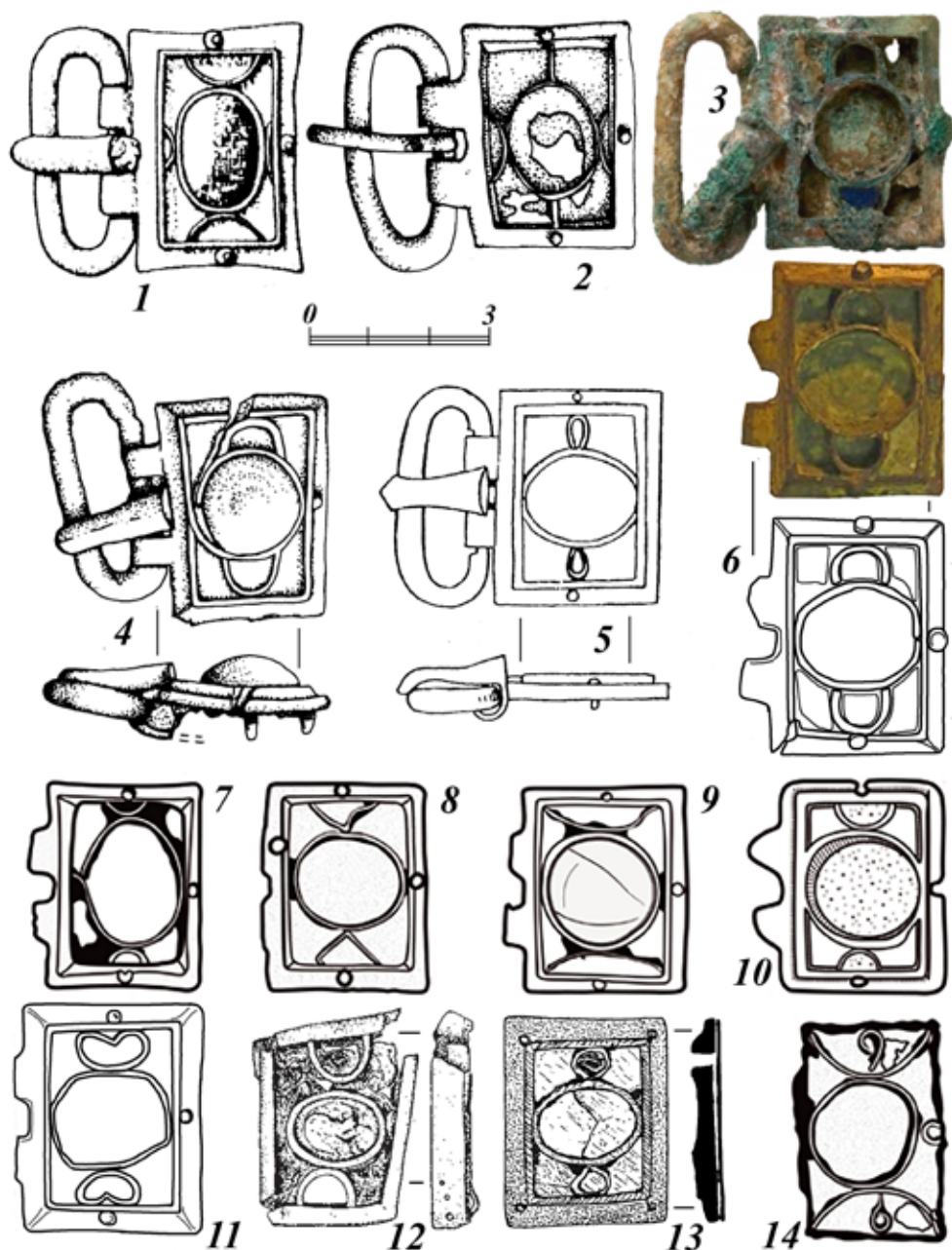

Рис. 5. Византийские детали поясной гарнитуры, выполненные в технике перегородчатой инкрустации с круглой или овальной центральной ячейкой под стеклянную вставку:

1 – Маккари, Сицилия; 2 – Аль-Джиш, Израиль; 3 – Белу Норд, Аквитания, Франция;
 4 – Яжуж, Иордания; 5 – Лар, Абхазия; 6 – место находки не известно, коллекция Музея Эшмола;
 7–10, 14 – Болгария; 11 – Мангуп, Лагерная балка; 12 – Карфаген, ул. Ибн Шабаат (Тунис); 13 – Эль-Руэдо, Кордова, Испания

По: 1, 5 – [31, fig. 8,8,9]; 2, 4 – [26, fig. 2,1,3]; 3 – [41, ill. 13; 7–10, 14 – [11, табл. 12,90–95]; 11 – [9, с. 141, рис. 163,6]; 12 – [27, Taf. 5,1]; 13 – [34, fig. 3]

Рис. 6. Византийские детали поясной гарнитуры, выполненные в технике перегородчатой инкрустации: 1 – Херсонес; 2 – Олимпия, Греция; 3 – Боспор; 4 – Сирия; 5 – Болгария; 6 – Цитра / Константина (Алжир); 7 – Кьюзи, Италия; 8 – Малая Азия; 9 – Анталия, Турция
 По: 1 – [1, рис. 37,3]; 2 – [25, Кат. № 889]; 3 – [8, кат. № 634а]; 4, 7–8 – [39, Кат. № 82, 99, 100, 102]; 5 – [11, табл. 31,280]; 6 – [27, Taf. 10,9]

Рис. 7. Византийские детали поясных наборов, украшенные инталиями из сердолика (1) или из желтого полупрозрачного стекла (2–5): 1, 1а, 1б – место находки неизвестно, коллекция Де Клерк, Французская национальная библиотека, №: de Clercq.III.548 (1а – реконструкция пряжки; 1б – увеличенное изображение геммы); 2 – Восточное Средиземноморье; 3 – место находки неизвестно, коллекция Кофлер-Трюнигер, Люцерн; 4 – Сирия, Британский музей, №. 1982,1103.1; 5 – Малая Азия

По: 2–5 – [42, Cat. №. 551, 552, 561]; 1а, 1б, 2в, 3–5 – прорисовка и реконструкция в цвете автора

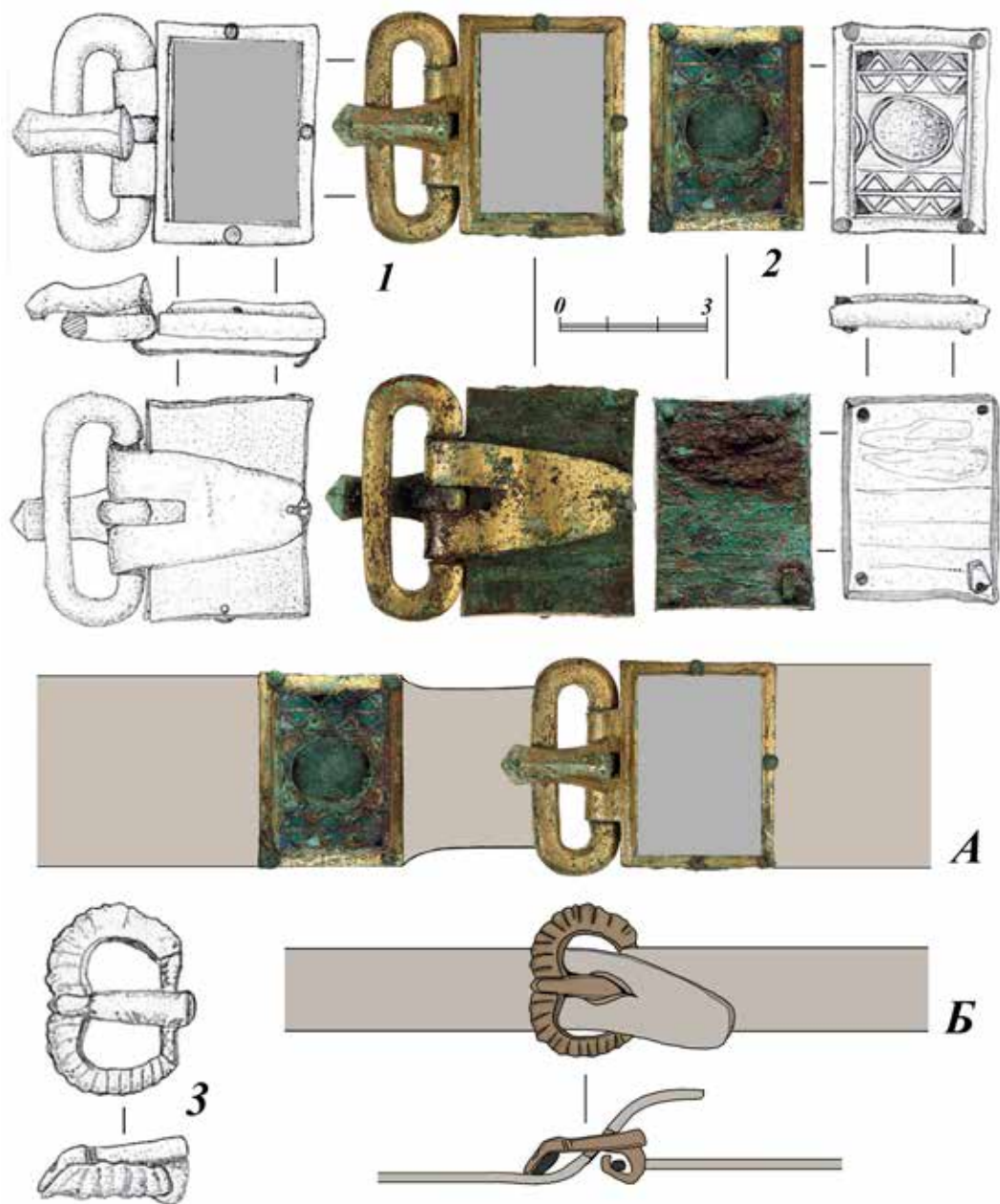

Рис. 8. Лусои, северо-западный Пелопоннес. Могила 1, находки из погребения нижнего слоя
По: 1–3 – [21, Abb. 24–26, 28, 30]; А, Б – реконструкция и рисунок автора

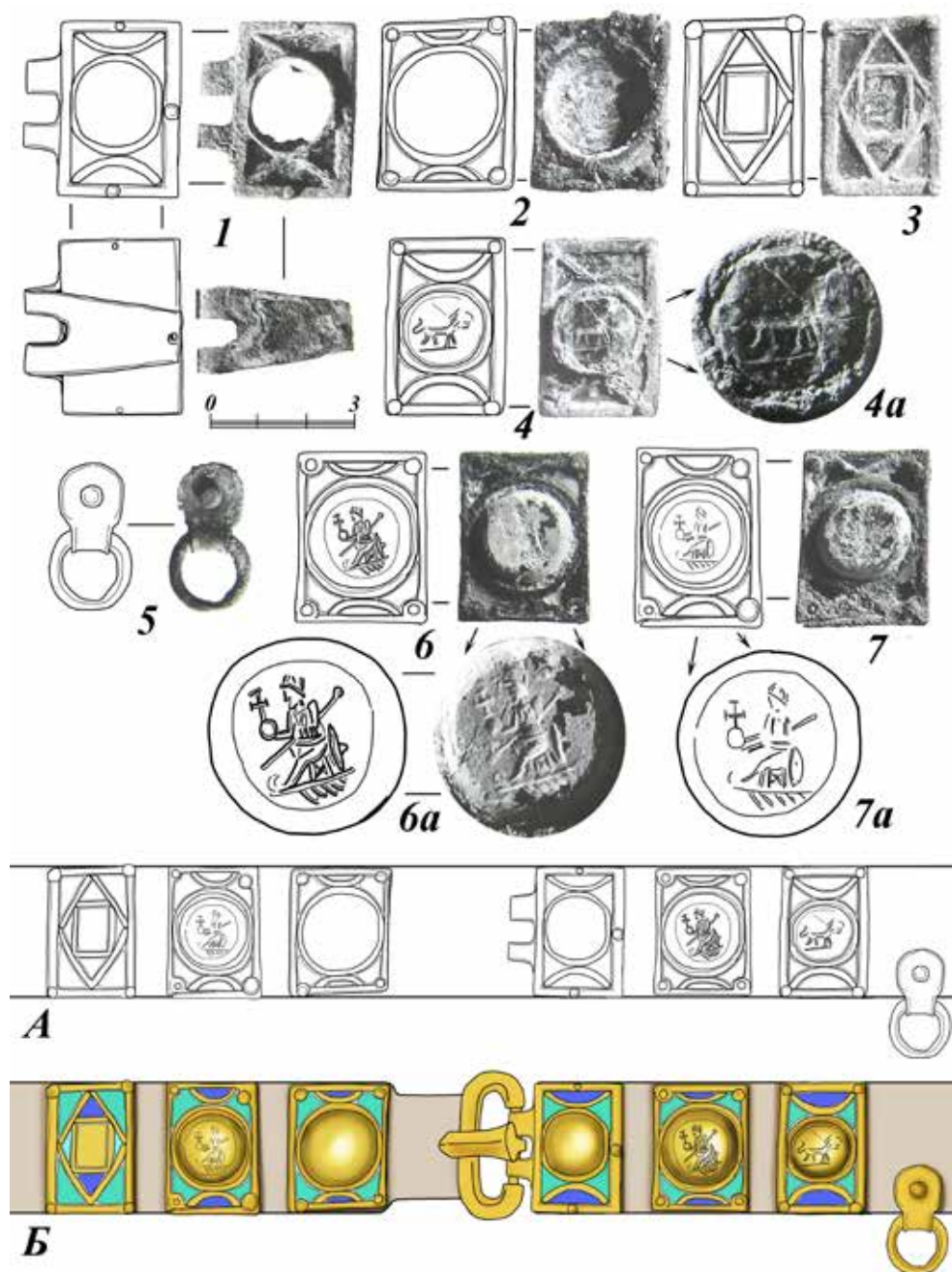

Рис. 9. Поясной набор конца V – первой половины VI в., найденный на территории современного Израиля: 1–7 – детали поясного набора, инкрустированные стеклом и геммами из желтого полупрозрачного стекла; А – схема расположения деталей на ремне;

Б – вариант реконструкции поясного набора в цвете

Фото по: [42, Cat. Nr. 563]; прорисовки и реконструкции автора.

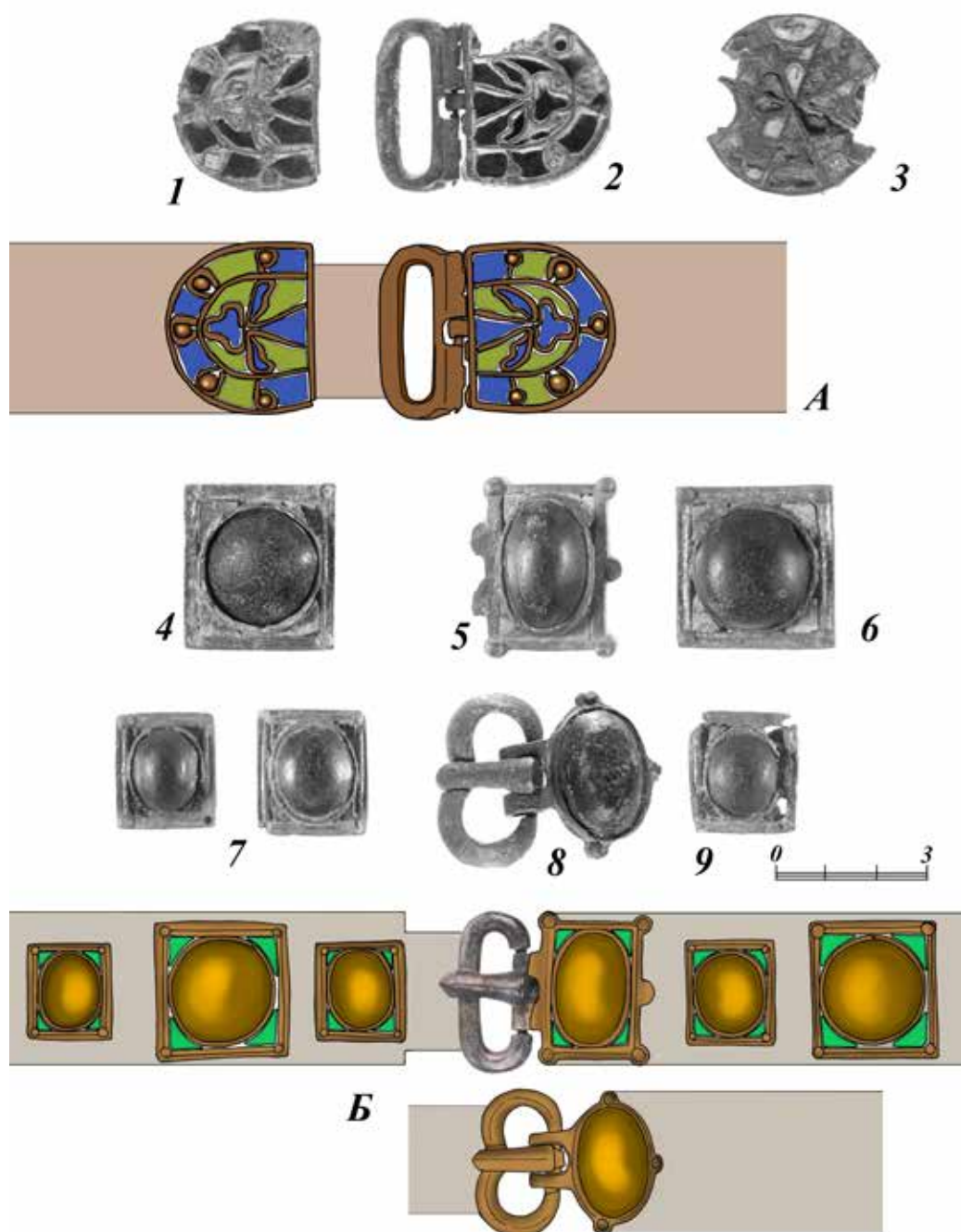

Рис. 10. Детали поясных наборов первой половины VI в. из Сирии (Эр-Растан / Аретуса) (1–9) и варианты реконструкции поясов (А, Б)
1–9 – Британский музей, Нг. 1926,1014.1–11; А, Б – реконструкции и рисунок автора

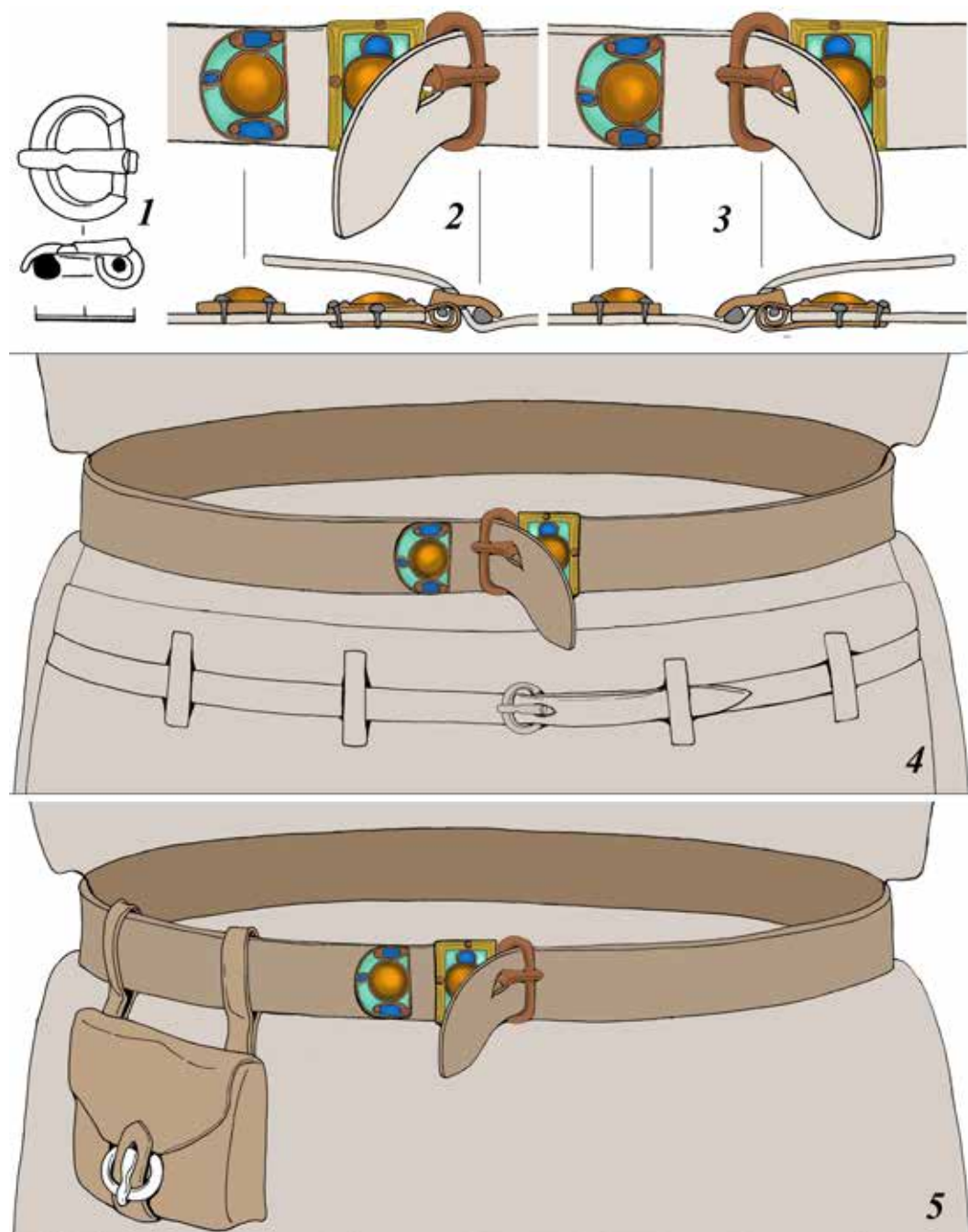

Рис. 11. Могильник у села Лучистое, склеп 124, погребение 9: 1 – пряжка от сумочки или пояска для штанов; 2, 3 – варианты реконструкции поясного набора; 4, 5 – варианты реконструкции костюма погребенного. Реконструкция и рисунок автора

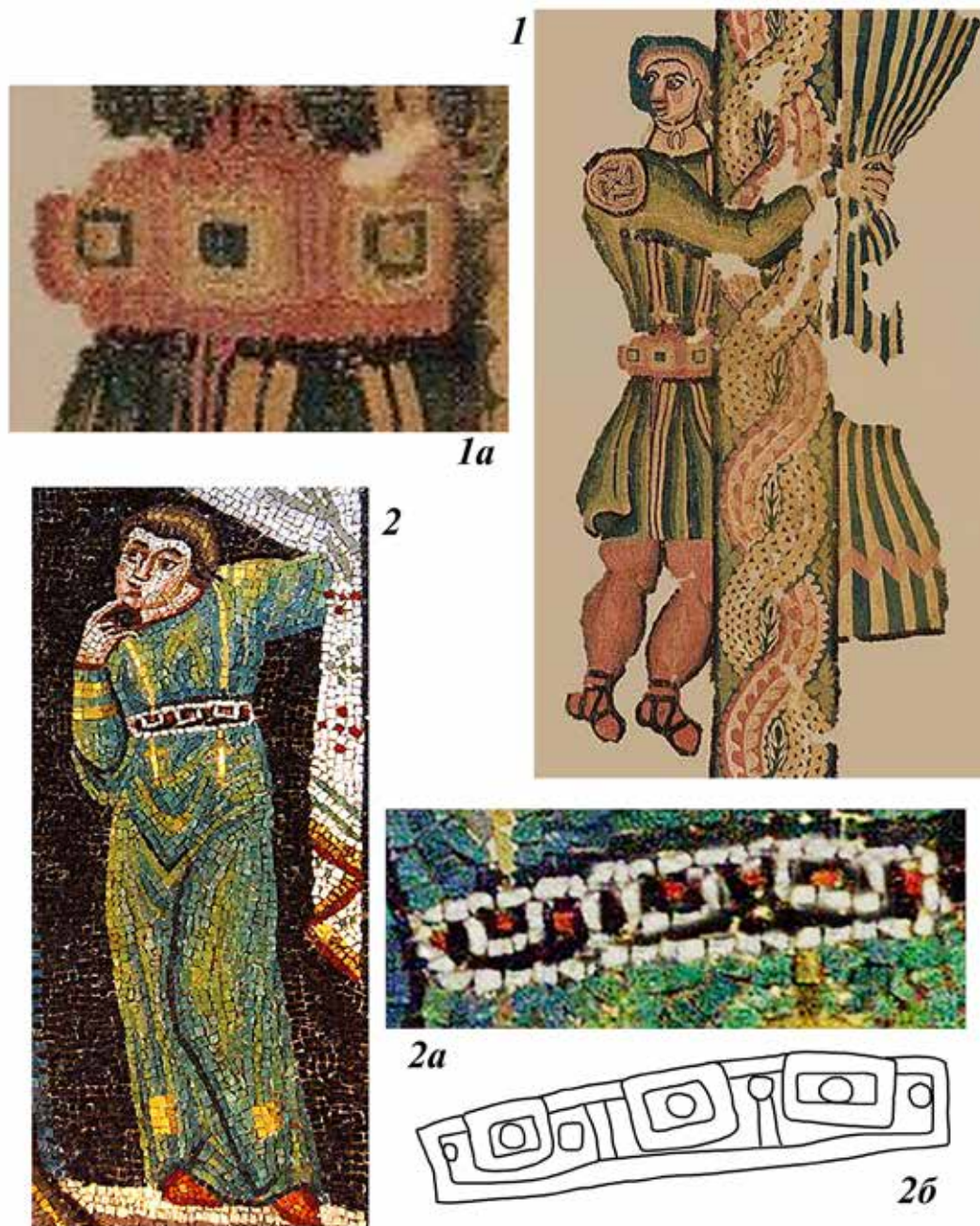

Рис. 12. Изображения византийских поясов V–VI вв. с инкрустацией: 1 – фрагмент завесы, Египет, V в. Музей изящных искусств, Бостон, Фонд Чарльза Поттера Клинга, № 57.180 (1a – деталь с изображением пояса), по: [38, fig. 3]; 2 – мозаика Базилики Евфразия, Пореч (Ховатия), середина VI в. (2a – деталь с изображением пояса; 2б – прорисовка пояса)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–85, 175–241.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И. Очерки истории владений Восточной Римской империи в Крыму в IV–XII веках. Симферополь: Антиква, 2024. 320 с.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2008. 336 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
7. Грабар А. Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 328 с.
8. Засецкая И.П. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV – начало VII века. Каталог коллекции. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2024. 376 с.
9. Набоков А.И. Раннесредневековые некрополи Мангульского городища (Юго-Западный Крым). Дисс. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2024.
10. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., коммент. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 570 с.
11. Трайкова Л.А. Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей, 2017. 556 с.
12. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева; Послесловие Н. Пигулевской. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 225 с.
13. Хайрединова Э.А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210.
14. Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки-апотропеи второй половины VII в. из Крыма // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 72–98.
15. Хайрединова Э.А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI – VII в. из Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 32–46. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.6.3.
16. Хайрединова Э.А. Византийские целительные амулеты из Юго-Западного Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 82–99. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.6.6.
17. Хайрединова Э.А. Сergy-калачики из Крыма // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2023. С. 210–218.
18. Хайрединова Э.А., Антипенко А.В. Позолоченные нашивные бляшки второй половины VII века из могильника у села Лучистое (Юго-Западный Крым) // Российские нанотехнологии. 2024. Т. 19, № 5. С. 694–698. DOI: 10.56304/S1992722324602477.
19. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery: emergence and social implications. Stockholm: Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademien, 1985. 229 S.
20. Ashmolean Museum, University of Oxford, collection online. URL: <https://collections.ashmolean.org/object/477861>. Дата обращения 12.09.2025 г.
21. Baier Ch., Pülz A.M., Baudouin E., Binder M., Maniatis Y., Oberndorfer D., Talamo S. Spätantike Bestattungen aus Lousoi. Neue Evidenz zur Verbreitung cloisonierten Gürtelschmucks und zur Siedlungsdynamik in der gebirgigen Nordpeloponnes // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. 2022. Bd. 91. S. 17–64.
22. Walter Ch. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition. Aldershot: Ashgate, 2003. 317 p.
23. Çelikbaş E., Gündüz B. Windowpanes fragments from the northwest necropolis church of Paphlagonian Hadrianopolis // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 85–95.
24. Dalton O.M. Catalogue of Early Christian antiquities and objects from the Christian East. London: British Museum, 1901. 186 p.
25. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. München: Theiss, 2004. 475 S.
26. Eger Ch. Dress Accessories of Late Antiquity in Jordan // Levant. 2003. Vol. 35. P. 163–178.
27. Eger Ch. Spätantikes Kleidungszubehör aus Nordafrika I. Trägerkreis, Mobilität und Ethnos im Spiegel der Funde der spätesten römischen Kaiserzeit und der vandalischen Zeit. Wiesbaden, 2012.
28. Frova A. Pittura Romana in Bulgaria. Roma: Fratelli Palombi, 1943. 33 p.
29. Hanus R., Hladky P., Hanus T. Cell Paste Analysis // Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov, Magnificent Finds from the Migration Period from Central Bohemia / Eds. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bežáková, B. Ager. Rakovník: Muzeum T.G.M Rakovník, 2023. P. 38–41.

30. Horváth E., May Z., Kovács J.S., Tóth M. An early medieval buckle with cloisonné decoration // *Archeometriai Műhely*. 2009. No. 4. P. 15–29.
31. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // *Archéologie médiévale*. 1994. T. XXIV. P. 137–198.
32. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Byzantine Cloisonné Belt Set of the First Half of the 6th Century from the Burial Ground near the Village of Luchistoye (Southwestern Crimea) // *Nanobiotechnology Reports*. 2025. Vol. 20, No. 5. P. 648–653.
33. Mastrocinque A. The Colours of Magical Gems // ‘Gems of Heaven’. Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600 / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: The Trustees of the British Museum, 2012. P. 62–68.
34. Muñoz Jaén I., Bravo Carrasco A. La Toréutica en la necrópolis tardorromana y de época visigoda de El Ruedo (Almedinilla-Córdoba) // *Antiquitas*. 2000. Vol. 11/12. P. 189–198.
35. Nemeti S., Nemeti I. Ara Martis. Notes on an anepigraphic Altar from Dacia // *Acta Musei Napocensis*. 2024. 61/I. P. 191–201. DOI: 10.54145/ActaMN.I.61.08.
36. Orsi P. Byzantina Siciliae // *Byzantinische Zeitschrift*. 1912. XXI. S. 196–210.
37. Quast D. Garnitures de ceintures méditerranéennes à plaques cloisonnées des Ve et début VIe siècles // *Antiquités Nationales*. 1999. No. 31. P. 233–250.
38. Raff K.A. The Waiting-Servant Motif in a Late Antique Textile in Chicago: Iconography, Visuality, and Materiality // *Arts*. 2022. Vol. 11 (3), 64. DOI: 10.3390/arts11030064.
39. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz: Verlag des RGZM, 2002. 258 S.
40. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschlag und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des RGZM, 2009. 404 S.
41. Sculler Ch., Hernandez J. Le Belou nord de Saint-Laurent-des-Hommes. Une des plus vastes nécropoles du haut Moyen Âge en Aquitaine // *Archéopages. Archéologie et société*. 2022. Vol. 6. P. 373–382.
42. Spier J. Late Antique and Early Christian Gems. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2007. 221 p.
43. Spier J. Late Antique and Early Christian Gems: Some Unpublished Examples // ‘Gems of Heaven’. Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600 / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: The Trustees of the British Museum, 2012. P. 193–207.
44. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan. Vol. I–III. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 2223 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Chronology of the Cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine Periods. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 3–85, 175–241.
2. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Aibabin A.I. *Ocherki istorii vladenii Vostochnoi Rimskoi imperii v Krymu v IV–XII vekakh* [Essays on the history of the possessions of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 4th–12th centuries]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 256 p.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2008, 336 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
7. Grabar A. *Imperator v vizantijskom iskusstve* [The Emperor in Byzantine Art]. Moscow, Ladimir Publ., 2000, 328 p.
8. Zasetkaia I.P. *Bosporskii nekropol' epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Posledniaia chetvert' IV – nachalo VII veka. Katalog kollektsii* [Bosporan Necropolis of the Great Migration Period. Last Quarter of the 4th – Early 7th Century. Collection Catalogue]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2024, 376 p.
9. Nabokov A.I. *Rannesrednekovye nekropoli Mangupskogo gorodishcha (Iugo-Zapadnyi Krym)* [Early Medieval Necropolises of the Mangup Settlement (Southwestern Crimea)]. Cand. Sci. (Hist.) Diss. Simferopol, 2024.
10. Prokopii Kesariiskii. *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia* [War with the Persians. War with the Vandals. Secret History]. Transl. and comment. by A.A. Chekalova. Moscow, Nauka Publ., 1993, 570 p.
11. Traikova L.A. *Kolan"i uzhno ot Dolen Dunav – kraia na III – nachaloto na VII v.* [Kolant south of Dolen Dunav – edges in the 3rd – beginning in the 7th century]. Sofia, National Archaeological Institute with Museum Publ., 2017, 556 p.

12. Feofilakt Simokatta. *Istoriia* [History]. Transl. S.P. Kondratieva, Afterword by N. Pigulevskaya. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 225 p.
13. Khairedinova E.A. Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 147–210.
14. Khairedinova E.A. Byzantine unit-cast Apotropaic buckles of the second half of 7th century from the Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 72–98.
15. Khairedinova E.A. Finger Rings with the Image of Archangel Michael of the Late 6th–7th Centuries from Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otsheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 32–46. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.6.3.
16. Khairedinova E.A. Byzantine Healing Amulets from Southwestern Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otsheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 82–99. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.6.6.
17. Khairedinova E.A. The Crescent-shaped Earrings from the Crimea. A.I. Aibabin, E.A. Khairedinova (eds.), *Imperium et Barbaricum: vzaimodeistvie tsivilizatsii: Sbornik statei v chest' 70-letia Mikhaila Kazanskogo* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations: Papers Collected in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, pp. 210–218.
18. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Gilded sewn-on plaques of the second half of the 7th century from a burial ground near the Village of Luchyste (Southwestern Crimea) // *Nanobiotechnology Reports*, 2024, vol. 19, no. 5, pp. 694–698.
19. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery: emergence and social implications*. Stockholm, Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademien, 1985, 229 S.
20. *Ashmolean Museum, University of Oxford, collection online*. URL: <https://collections.ashmolean.org/object/477861>.
21. Baier Ch., Pülz A.M., Baudouin E., Binder M., Maniatis Y., Oberndorfer D., Talamo S. Spätantike Bestattungen aus Lousoi. Neue Evidenz zur Verbreitung cloisonierten Gürtelschmucks und zur Siedlungsdynamik in der gebirgigen Nordpeloponnes. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*, 2022, Bd. 91, pp. 17–64.
22. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. Aldershot: Ashgate, 2003, 317 p.
23. Çelikbaş E., Gündüz B. Windowpanes fragments from the northwest necropolis church of Paphlagonian Hadrianopolis. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 85–95.
24. Dalton O.M. *Catalogue of Early Christian antiquities and objects from the Christian East*. London: British Museum, 1901. 186 p.
25. *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. Hrsg. L. Wamser. München, Theiss, 2004, 475 S.
26. Eger Ch. Dress Accessories of Late Antiquity in Jordan. *Levant*, 2003, vol. 35, pp. 163–178.
27. Eger Ch. Spätantikes Kleidungszubehör aus Nordafrika I. Trägerkreis, Mobilität und Ethnos im Spiegel der Funde der spätesten römischen Kaiserzeit und der vandalischen Zeit. Wiesbaden, 2012.
28. Frova A. *Pittura Romana in Bulgaria*. Roma, Fratelli Palombi, 1943, 33 p.
29. Hanus R., Hladký P., Hanus T. Cell Paste Analysis. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager (eds.), *Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov, Magnificent Finds from the Migration Period from Central Bohemia*. Rakovník, Muzeum T.G.M Rakovník, 2023, pp. 38–41.
30. Horváth E., May Z., Kovács J.S., Tóth M. An early medieval buckle with cloisonné decoration. *Archeometriai Műhely*, 2009, no. 4, pp. 15–29.
31. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie médiévale*, 1994, vol. 24, pp. 137–198.
32. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Byzantine cloisonné belt set of the first half of the 6th century from the burial ground near the Village of Luchistoye (Southwestern Crimea). *Nanobiotechnology Reports*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 648–653.
33. Mastrocinque A. The Colours of Magical Gems. Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), 'Gems of Heaven'. *Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, The Trustees of the British Museum, 2012, pp. 62–68.
34. Muñiz Jaén I., Bravo Carrasco A. La Toréutica en la necrópolis tardorromana y de época visigoda de El Ruedo (Almedinilla-Córdoba). *Antiquitas*, 2000, vol. 11/12, pp. 189–198.
35. Nemeti S., Nemeti I. *Ara Martis*. Notes on an anepigraphic Altar from Dacia. *Acta Musei Napocensis*, 2024, 61/I, pp. 191–201. DOI: 10.54145/ActaMN.I.61.08.
36. Orsi P. Byzantina Siciliae. *Byzantinische Zeitschrift*, 1912, Bd. 21, pp. 196–210.
37. Quast D. Garnitures de ceintures méditerranéennes à plaques cloisonnées des Ve et début VIe siècles. *Antiquités Nationales*, 1999, no. 31, pp. 233–250.

38. Raff K.A. The Waiting-Servant Motif in a Late Antique Textile in Chicago: Iconography, Visuality, and Materiality. *Arts*, 2022, vol. 11 (3), 64. DOI: 10.3390/arts11030064.
39. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. Mainz, Verlag des RGZM, 2002, 258 S.
40. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des RGZM, 2009, 404 S.
41. Scuille Ch., Hernandez J. Le Belou nord de Saint-Laurent-des-Hommes. Une des plus vastes nécropoles du haut Moyen Âge en Aquitaine. *Archéopages. Archéologie et société*, 2022, vol. 6, pp. 373–382.
42. Spier J. *Late Antique and Early Christian Gems*. Wiesbaden, Reichert Verlag, 2007, 221 p.
43. Spier J. Late Antique and Early Christian Gems: Some Unpublished Examples // Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), 'Gems of Heaven'. *Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, The Trustees of the British Museum, 2012, pp. 193–207.
44. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Ed. A.P. Kazhdan. Vol. I–III. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991, 2223 p.

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-5905-2019.

Author information

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-5905-2019.